

АЛЕКСЕЙ НЕКЕТОВ

МАСКАРАД

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Кекетов

Маскарад

<https://litres.ru/74099743>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что скрывают под собой маски?

Настоящую истину личности, ограниченность человеческого сосуда?

Люди всего мира желали бы снять эту тяжёлую ношу со своего лица. Их зов был услышан, возможно?

Главный герой пытается отыскать самого себя, попутно распутывая большую тайну — истинное происхождение масок. Но клубок оказывается слишком запутан, потери памяти лишь усугубляют процесс. Самым пугающим остаётся факт, что не сами маски таят в себе огромную опасность, а люди обладающие знанием об их секретах.

Содержание

Глава I - Находки и потери	4
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алексей Кекетов

Маскарад

Глава I - Находки и потери

Проснулся. В нос ударил резкий запах чего-то едкого: спирта, как будто где-то рядом варился крепкий алкоголь, но осознание, свернувшееся калачиком выпрямилось и разум пришёл к выводу, что этот неприятный аромат исходит от меня самого. Я опять перепил? Глаза не размыкались, а память не поддавалась вопросам, даже усталое тело отчаянно не хотело двигаться, к тому же, я даже не понимал в какой позе лежу, я не чувствовал где мои руки и ноги. К этому всему ещё прибавился вопрос местонахождения, я не знал где нахожусь, и не желал знать. Самым очевидным местом была моя собственная квартира, но этот вариант отменяется по причине того, что та поверхность, на которой я лежал прогибалась сильнее, значит это что-то более или менее мягкое, в моей квартире я спал на диване, твёрдом как каменная плита. Хотя во времена, когда я удосуживался разложить диван, то он принимал такую же приятно-обволакивающую форму. Подушка ничем примечательным, кроме моего перегара и шампуня, не пахла. Самым логичным решением было принято прислушаться: тишина, всеобъемлющая

и заполняющая, она была везде, витала в воздухе и нависала надо мной, заставляя меня тяжело дышать. Открыть веки так и не получилось, страх сковывал и держал их закрытыми. Я наконец смог почувствовать свою правую руку и одним неловким движением она повисла на крае и пальцами я еле-еле мог ощутить ламинат, по расстоянию от пола до края поверхности я могу судить, что это явно не мой диван. Либо я купил себе новый диван с пьяна, либо я нахожусь черт знает где, далеко от дома, без вещей и денег, а самое главное без самоуважения. Последнее я сто процентов потерял при любых обстоятельствах. Задумавшись об этом я подскочил и раскрыл веки, передо мной было зеркало во всю стену и моё побитое годами тело. Оно было в одежде, осознал и почувствовал это я только сейчас, порой если взглянешь на вещи, то только тогда ты их почувствуешь и поймёшь их цвет, вкус и форму, не всё так хорошо ощущается вслепую, как при пристальном взгляде. Руки бесконтрольно потянулись к лицу и потрогали его, тонкая кожа кончиков пальцев прошла сквозь твёрдый пластик и коснулась моих век, следом пальцы, как черви полезли в карманы штанов: кошелёк был на месте. Всё при мне, кроме самоуважения. Беглые красные глаза оглядели комнату, всё расставлено по своим местам, ни единой щепотки пыли и грязи, ни одного лишнего существа рядом. Я дома. Уснул в прихожей в кресле, теперь понятно почему мышечная память не признала расстояние от напольного покрытия до края кресла. Судя по всему вер-

нувшись, моё тело не смогло дольше держать равновесие, а рассудок в тот момент уже как полчаса спал, но тело вывалившись в квартиру просто рухнуло на что-то ближайшее и мягкое. Отличная работа, тело!

Придя немного в себя я направился на кухню, первым делом нужно было смочить горло. Чего-то не хватало. Кухня была в отличном состоянии, всё прибрано, также как и в коридоре ни единой пылинки, но что-то пропало, оно всегда стояло здесь, прям на видном месте возле раковины. Вспоминать давалось очень трудно, память до сих пьяна и находилась в тумане, казалось бы такой простой каждодневный обряд, но тело с трудом справлялось с похмельной головой. Она гудела и звенела, гробовая тишина уничтожала слух, наседала всем своим невидимым весом на черепную коробку в попытках раздавить. Открыв холодильник я достал бутылку воды, она всегда тут хранилась на особый случай, такой как сейчас, например. Заливая в себя животворящий напиток я повернулся в сторону раковины и в голове родилось:

Пьянею горячей водой, стало быть,
Как тишина льётся в ушные раковины.

Взгляд оставался в том же положении, он был направлен на раковину, его не устраивала отсутствующая деталь. Недостающий пазл насмехается над своим творцом. Глаза не верят увиденному, а рассудок верит памяти. Не могу же я оши-

баться настолько, что мне это привиделось, придумалось?

Ёмкость бутылки постепенно уменьшалась, она сжималась от поглощённой жидкости вместе с воздухом, она умирала прямо у меня на руках и эта жертва была обязательна, но я же творец, я способен вдохнуть в неё жизнь, в буквальном и переносном смысле. Опустошив спасительный сосуд, я действительно дыхнул в неё, она расправилась и была готова служить дальше. Я не ждал услышать «*Спасибо*» от неживого предмета, но всё равно зачем-то прошептал «*Пожалуйста*». Заполнив её водой, вернул обратно в криосон на положенное ей место - в тюрьму холода. Из кармана кофты выпала пачка сигарет, когда дверца холодильника близилась к закрытию. Она кричала и требовала, чтобы я покурил, точно ребёнок, когда ему отказывали в покупке игрушки. Собрав всю свою волю в кулак я не поддался её влиянию, но вспомнив, что не так давно потерял самоуважение, я вернулся за ней, поднял и раскрыл. Одна, две, четыре, семь. Осталось всего семь, интересно сколько было отпущено по ветру вчерашним днём? Достав сигарету, я принялся шарить по карманам в поисках зажигалки или, может быть, спичек. В этот раз удача мне не улыбнулась. Пробежав всю квартиру вдоль на три раза и ещё на два поперёк, я остановился на кухне, на том же месте, где и выронил пачку. Тишина всё так же была рядом, обнимала меня со всей силы, пытаюсь сломать рёбра. Если бы не она я бы и не вспомнил что же такого "важного" находилось возле раковины. Спички. Да, чёрт возьми, там лежал коробок

спичек. Но куда он мог деться?

Я не смогу покурить. Пропажа коробка меня вывела из себя, с нервов сигарета, что грелась в руке только пуще подгоняла меня к прилюбодействию курения. Передо мной встал выбор, либо идти в магазин за чем-либо что могло дать огонь, зажигалка или газовая горелка, неважно, либо искать в заполненной тишиной квартире эти грёбанные спички. Очевидно, что победило первое, хоть тело и отказывалось принимать моё решение, оно было вялое, ленивое и ужасно болело от вынужденного сна в кресле, но мозг имеет власть над ним, поэтому оно поддалось. Собравшись с мыслями, я двинулся к входной двери, накинул на ноги первые попавшиеся кеды и вышел в подъезд. В мой любимый российский подъезд, с зелёными исписанными стенами, с побитой плиткой на полу и белым с бежевыми пятнами потолком (то ли краска цвета хамелеон, то ли белый цвет исказился от дыма сигарет). Помимо "прекраснейшей" цветовой гаммы, напоминающей блевотину, тут стоял универсальный аромат, как я его прозвал. В нём можно было найти нотки варёной капусты, невымытых тел, женского цветочного парфюма, сигарет с кнопкой и желчи, и это только на первых этажах. Невыразимый словами спектр запахов, смею заметить. Хоть я и жил на седьмом этаже, эти запахи с нижних доходили и до меня. Хорошо, что мою квартиру и подъезд разделяет входная дверь, иначе я может быть и выжил в такой вонь, но явно подхватил бы какую-то мутацию. С похмелья этот

универсальный аромат был плотнее и гуще, я словно плыл по воздуху, если в этой хрущёвской сталинке за все эти года остался хотя бы один кубометр свежего и чистого воздуха. Преодолев лифт и выйдя на улицу атмосфера совсем изменилась. Магазин располагался в двух минутах от моего дома, инфраструктура тут, конечно, оставляет желать лучшего, но то что это удобное место для отправления в любую точку города компенсирует этот недостаток. Здесь по своему уютно: выцветшие детские площадки, украшенные чем-то на подобие персонажей из мультиков; потрескавшийся тротуар и дорожный асфальт; мусорные баки, переполненные различным пищевым и бытовым хламом; гнусные или лучше сказать пустые люди, шатающиеся из стороны в сторону, не ясно только, из-за усталости или алкогольного делирия. Не курорт и не райский сад, но атмосфера серости иногда находится мной прикольной, реже - расслабляющей. Ноги путались, разъезжались, на улице как никак зима, и пешеходную часть улицы никто не обезопасил для хождения, тут и там сплошной лёд прикрытый тонким слоем снега.

Дорога напоминала бесконечную прямую, по которой то и дело удосуживались проезжать автомобили, это скорее тихий, спальный район, где для машины места меньше, чем для существей без колёс, но с мыслительным моторчиком. Но если судить по местному контингенту - мотор уже доживал последние года и еле-еле вывозил односложные мысли. Даже так эти людишки мне нравились, независимо от их мыс-

лительного процесса и усталого вида. Говоря о том, что магазин был в двух минутах, то это была сушая правда, ведь я уже стоял на его крыльце. Промелькнув внутрь я направился сразу на кассу, меня интересовало только устройство дающее огонь, вид его и стоимость уходили на задний план.

– Здравствуйте, зажигалку, – произнеся всего два слова из моего рта повеяло похмельем, оно было настолько едкое, что если бы страны использовали химическое оружие, то эффективней всего был бы этот запах, – И если можно, то ещё коробок спичек.

– Спичек нет.

Как нет? Самый полезный в жизни потребительский товар, использующийся в неисчислимых целях просто взял и испарился? Не может быть, чтобы его скупили, даже если и скупили то в каких количествах? Уверен, что общая стоимость в чеке исчислялась миллионами.

– Только зажигалку.

Я промолвил это самым грустным тоном, который только мог воспроизвести.

– С вас 40 рублей, – конские деньги за газ, пластик и огниво, сам продавец сказал это вопросительным тоном, его тоже возмущала такая цена. Буквально пару секунд назад цена меня не интересовала, а сейчас я готов был вырвать кому-то глотку за ценовую дискриминацию. Выбора нет, покупаю.

С недовольным видом выхожу на улицу и закуриваю. Сигарета скрипит от огня, фильтр намокает от слюнявых губ,

жаждущих первой затяжки. Табак не лучшего качества, но в этом и есть смак табачной индустрии. Идеально. Лёгкий, прохладный ветерок обдувает волосы, солнце в зените, погода на удивление хорошая, однако сегодня тепло. Редкость для середины русской зимы. Сигарета тлеет на ветру, издавая приятный скрежет, серый токсичный дым входит в носоглотку, гуляет в лёгких и убегает через тот же вход. Фильтр намокает всё сильнее, организм жадно глотает табачную дымку, получая дозу никотиновой зависимости.

– Люблю курить, – вырвалось у меня из уст.

– Вредно, как ни взгляни, – мужчина средних лет, стоял рядом, подошёл он сзади, видимо закупался в магазине,глянув в его сторону он улыбнулся, – Но и я, увы, узник никотина.

Пустая маска на его лице блестела на солнце, каждый солнечный луч отражался мне в глаза. Раз блестит, значит хороший человек. Волосы его были неопрятно уложены, были больше похожи на сено и не отличались таким же блеском как маска; тёмно-синие джинсы на первый взгляд великоваты, прикрывали грязные ботинки, неглажены и, возможно, давно не стираны; куртка рабочая, синяя с рефлекторами. В руках держит жёлтый пакет, в этом магазине белые, следовательно либо скупой, либо экономит.

– Это скорее глупость человеческого разума. Мы находим привычки для того, чтобы быть к чему-то привязанными.

– Может оно и так, но чем тогда отличается чистка зубов

от курения? – он закурил, его сигареты были толще моих, значит крепкие и горькие.

– Если судить гипотетически, то ничем. И то, и то способ убить время.

Он затаился, посмотрел на меня куда более пристальнее, чем раньше, словно рассматривал каждую частичку моего слепленного тела. Маска по прежнему сияла на солнце, кажется он пытался подобрать слова, чтобы меня не обидеть.

- В твои годы думают совсем о другом. Но не принимай это за оскорбления, я имел ввиду, что твоё мышление старше твоего внешнего вида, - он заулыбался ещё более добродушно, чем прежде, - Прости, мне пора пойти убивать время другими способами.

Так он и покинул мою компанию. Резко похолодало, такое чувство, что погода зависела от местонахождения человеческих душ. И одна из эфемерных тёплых субстанций только что пошла согревать собой другие места. Согласен, было бы эгоистично делиться теплом только здесь. Сигарета в моих руках неожиданно кончилась, так и не успев начаться, сам того не замечая, я сконцентрировал всё своё внимание на неосязаемых и невидимых объектах - словах. То ради чего я пришёл сюда расплылось в нечёткий образ. Шёл ли я сюда ради огня или ради этой минутной встречи?

Медленным шагом я почти доплутал до дома, ноги всё ещё противились ходьбе, и этот короткий квест мог увенчаться успехом, если бы не кое-кто. Он стоял возле подъез-

да, потягивал длинную сигарету и ждал, смотря в небо. Что ты тут делаешь, чёрт возьми? Может быть ты сможешь мне дать ответ где я вчера был.

– Привет, **Потеря**, – начал я.

– Ооу, а вот и ты! – он резко повернулся, - Я тебя всё утро тут жду.

– Обманывать ты так и не научился. Какими судьбами тут?

Он посмеялся с моей наблюдательности. В этом и есть моя суперсила, замечать то, что на первый взгляд ничем не примечательно. Я всегда поражался непропорциональности его пухлого тела. Проходили года, а одежда на нём никогда не менялась, сам он еле-еле двигался с места, а одежда всегда та же, он вообще её стирал? Судя по всему, она встала колом и он в ней застрял на века. Учитывая его параметры тела выбраться из капкана одежды весьма затруднительно. Сколько его помню у него всегда были сальные волосы длиннее среднестатистической женской причёски, насколько знаю голову он моет каждый день, как бы не два раза в сутки и всё равно они выглядят отвратительно. Я никогда ему об этом не скажу, но каждый раз замечаю это.

– Я был тут неподалёку, вот и решил заглянуть. Звонил тебе, а ты не отвечаешь.

– Я оставил телефон дома. Иногда приятно отвлечься от виртуальной реальности и посмотреть на настоящий мир. Ну раз пришёл, пошли зайдём ко мне. Чем больше лишних

ушей, тем хуже.

И я ступил вперёд, звеня ключами. Они клацали и цокали в ожидании возвращения домой. Они знали, что они не лишние, как тот груз, который носит на себе **Потеря**. Они доверяли своему творцу и в радостном потчевании звенели, ликовали!

Верные, не лишние ключики
Гогочут, лелеют, бренчат.
Но при первом удобном случае
Их потеряют, забыв, где лежат.

Мы вошли в лифт, перекинулись короткими фразами, которые особого смысла в повествовании не имеют, просто вопросы и ответы про хобби, работу и мимолётные моменты радости и грусти в жизненном цикле. Или жизненной прямой. У всех разные варианты развития событий, лично я предпочитаю цикличность. Оказавшись внутри моего бункера я прошёл в кухню, предварительно сняв кеды и бросив их в никуда. Так я называл место, куда я не смотрю, когда что-то делаю. Нигде - оно везде, кроме моего поля зрения, оно охватывает неисчислимое количество существ, предметов, условий, действий. Буквально пару секунд назад мой гость был в нигде, а сейчас он занимал всё моё зрительное пространство. Тишина до сих пор не ушла, она по прежнему давила на меня, как чеснокодавка и я чувствовал как каждая клетка моего тела проходила сквозь неё. И тут он нарушил первое

правило тишины: сохранять тишину.

– У тебя тут уютно, – тишина восприняла это как дерзость и начала давить ещё и на него, – Только ужасно тихо.

– Хорошая звукоизоляция, всего-то.

Жестом я подсказал ему присесть, а сам принялся за кружки, мне даже и не требовалось спрашивать, он сам сказал, когда я включил плиту. Я поставил на неё сотейник с водой.

– Кофе, – конечно, кофе! Я читал его как книжку. Кофе с тремя ложками сахара, без молока, любит сладкое и солёное, курит сигареты с кнопкой, пьёт дешёвый алкоголь в больших количествах, живёт как получится и так далее. И это только лишний вес рассказал мне столько всего!

– С тремя ложками сахара, да, я прекрасно помню, – я залил в бежевую кружку кипяток и он волшебным образом превратился в горячий бодрящий напиток, – Так зачем я тебе вдруг понадобился?

Запах свежее-перемолотых сваренных зёрен ударил мне в нос. Не люблю кофе, но на редкий случай храню его дома, чтобы угощать нежеланных гостей и сам, раскаиваюсь, попиваю его пару раз в несколько месяцев. Это один из тех напитков, которые убивают время попусту, пьёшь ради забавы, ради горьковатого ароматного вкуса, ради фальшивой бодрости. Мы живём этим кофе, оно сравнимо с горем. Это та же зависимость, что и табачная, мы все зависимы от чего бы то ни было. Еда - зависимость, сигареты - зависимость, кофе

- зависимость. Мы разбавляем одни убийства времени другими убийствами времени. В этом и есть суть человеческого темперамента - быть зависимым от зависимостей.

– Давно не виделись, правда.

– Поэтому по счастливой случайности ты оказался возле моего подъезда?

– Так и есть, клянусь – он отхлебнул кофе, – Вкусный. Тебе-то мне и не верить, **Неизвестный**.

– **Потеря**, тебе верить себе в убыток. Чтож, ладно, о чём таком интересном ты хотел мне поведать?

И тут началось, стоило просто перестать встречать в штыки его любезность. Всё таки он какой-никакой друг, причём стоит акцентировать внимание на части фразы «никакой». Он повёл свой рассказ о том каких трудов ему потребовалось добраться сюда без лишнего внимания, ведь то что он нашёл явно привлекло бы его сильно. Он вышел в коридор, пошелестел в куртке и положил «это» на стол. «Этим» оказались маски, с уникальностями: на обеих был одинаковый рисунок, вдобавок они были сняты с лица.

– Ты где это взял? И зачем принёс? Ты осознаёшь суть своих действий?

– Я нашёл их на земле, кто-то их смог с себя снять и выбросить. Ты можешь в это поверить? – его глаза непривычно горели, он не столь был озадачен, сколь воодушевлён, – Я вот раньше не верил, а сейчас...

– Я больше верю в твою безрасудность и идиотизм, но,

полагаю, шага назад уже нет, дай взгляну.

Подойдя к столу я увидел, что на обеих знак «бесконечно-сти». В первую очередь меня больше удивило не то, что их кто-то смог снять, а то, что они имели один и тот же символ. Все маски имеют разный цвет, форму и рисунок, т.к он зависит сугубо от твоего личного рассудка и то, как ты узнал человека и что о нём думаешь. Поэтому пустые белые маски имеют незнакомые тебе люди, а в дальнейшем обретают уникальную особенность. А тут, совсем неизвестные мне маски и я вижу этот одинаковый рисунок. Как такое возможно? Я никого в своей жизни не знаю и не знал никогда с подобным символом, это абсурд, это неправильно с точки зрения устоявшейся вселенной! Какую же ты ошибку смогла допустить в своих делах божественных, госпожа Судьба? Или ты специально направила мне этот знак, чтобы я знал, что во всех наших привычных знаниях есть изъяны и недостатки? Но как же я могу использовать это осведомление? Я лишь могу сохранить этот секрет и пронести его с собой в могилу, где он до скончания веков будет храниться в надёжном сейфе из костей и дерева, и никто его изъять не сможет. Тайны - это плохо, их приходится хранить, держать в себе и доверять только определённым лицам, в которых ты уверен на сто процентов. В наше время доверие такая шаткая вещь, оно как карандаш на краю стола, одно лишнее движение и он упадёт, укатится и ищи-свищи его на полу. Легче не доверять всем и держать этот карандаш при себе в карманах,

в руках или посередине стола, чтобы только ты знал где он и никто, даже если бы и захотел, не смог бы его достать и обронить.

– Ты обезумел.

– Да ладно тебе, я лишь поделился своей поистине уникальной находкой, – он едва не уронил кружку, размахивая руками, – Ты представляешь себе этот глобальный скачок нашей эволюции, когда-нибудь и мы сможем снять эти маски.

– Меня не забавляют твои рассуждения о эволюции и скачках мирового масштаба, меня лишь интересует происхождение этих масок, – я гнул одну и ту же палку. Мою голову больше волновала недоработка привычности мира, – И каким образом мы, чёрт его побери, можем видеть их рисунок!

– Этого и я не знаю.

Я прокряхтел и глубоко вздохнул. Мне надо было сменить тему, резко и моментально, иначе шторма не избежать.

– Ты знаешь где я вчера был?

– Не знаю.

– Я тебе писал, звонил?

– Не было такого.

– Говорил о своих планах на ближайшие дни, недели?

– Нет, – он на секунду был ошарашен моей резкой смены диалога, – А что?

– Я проснулся в кресле. Вчера, скорей всего, был в

усмерть пьян и в памяти не осталось ничего о предыдущем дне.

– Я тебе не мамочка и тебе не двенадцать, чтобы я знал о каждом твоём шаге.

Это было подмечено крайне точно. Я уже 4 года представлен самому себе, только я регулирую свой заработок, свои планы и действия. Никто за меня не может решать и говорить, я самостоятельный организм, я существо под настоящим контролем своего разума. Я сам создаю себе зависимости и моей главной зависимостью является - самоконтроль. Право следить за собой переросло в обязанность, обязанность перерастает в привычку, привычка в зависимость, зависимость в необходимость и так далее. Чем старше мы становимся, тем больше мы зависимы от всего. Даже тишина, что гуляет по моей безмолвной квартире тоже является моей зависимостью, ведь в скором времени она перерастёт в необходимость, без которой я буду страдать. Пока что она щадящими объятиями ласкает моё усталое тело. Я ей верен, как зависимости, ни за что её не предаю. Никогда.

– Куда ты «их» планируешь спрятать?

– Я?

– Заплутав сюда, ты же не надеялся, что я захочу маски оставить при себе?

– Вообще-то надеялся.

Вот придурок! С какой стати я готов себя обречь на такую опасность? Мне хватает знания о «них», чтобы являть-

ся главным подозреваемым, а этот недоумок ещё и собрался оставить главную улику у меня в квартире.

– Забирай маски, надевай их на себя, выбрасывай, сжигай их, делай с ними всё, что твоей душе угодно, – терпение у меня уже закончилось, я уже не мог спокойно трактовать свои мысли. Присутствие **Потерив** в комнате меня раздражало, – Мне плевать, честно, но чтобы я больше их тут не видел.

Он ничуть не удивился моей реакции, он знал, что я могу так взорваться, словно пороховая бочка, фитиль был подожжён на моменте покупки зажигалки и это было лишь дело времени дожидаться моего взрыва. И он случился, он уничтожил тишину подчистую, вся тишина растворилась в долю секунды, сдавливающие объятия прекратились и вместе с ними меня покинуло самоуважение, на этот раз окончательно. Пухлое тело через жадный рот осушило кружку, встало и захватило с собой «их», его глаза устало посмотрели на меня. На его лице сидела белая маска, которая была вдребезги разбита. Она была полностью покрыта осколками, каждый раз, когда он терял веру, надежду или любовь от маски отламывалась частичка, чем больше он терял, тем больше теряла маска, так его и прозвали - **Потеря**. Нужно слишком много иметь добродушия, чтобы не отчаиваться. Его маска была пазлом, который при должном умении можно было бы собрать воедино, но посмотрев на меня от неё откололась значительная часть и упала на ламинат. Её нельзя было собрать, невозможно увидеть полноценный пазл, они отломи-

лись, упали и растворились в пространстве навечно. Звонкий несуществующий в реальности удар о пол раздался эхом в продолжении квартиры, и также быстро затих, как и появился.

Я перехватил его в коридоре, до этого я провожал его взглядом, но уважение к нему, как к другу не дало мне отпустить его молча.

– Оставь мне одну в качестве экземпляра, вторую уничтожь, лучше вывези далеко в лес и сожги, остатки и пепел закопай. Главное проследи, чтобы никто тебя не видел.

– Вот такого тебя я узнаю, – он приободрился, я глядел на щель откуда пару секунд назад отпал кусок маски, она осталась. Что потеряно, то не восстановить, – Я знал, что могу рассчитывать на твою помощь.

На этой ноте мы разошлись, он ушёл в пространство с универсальным запахом, а я остался наедине с самим собой. Наедине с параноидальными мыслями. Что будет, если найдут эту маску? Что будет, если узнают о ней? Мне придётся жить в вечном напряжении и не подавать при этом вида. Сначала стоит её изучить, а потом избавиться окончательно, чтобы существование этой маски находилось только в моей памяти, и то не идеальной, как показывают недавние события. Эта маска - прямой путь в тюрьму или на тот свет, при этом любой из вариантов ведёт к несовершенству законов вселенной и дальнейшему изучению «этого». Я не готов отдавать отведённый мне период жизни за огромный вклад в науку,

который ни при каких обстоятельствах не приведёт к прогрессу, только лишь раззадорит всемирный конгресс учёных, появится только ещё больше вопросов, ответ маска не даёт. Маска - это объект изучения, объект неизведанного, неясного, до сих пор умы всей планеты борются за возможность их снятия и понимания откуда и для чего они появились. Мы подопытные, мы учёные, мы - две стороны медали, мы изучаем самих себя. Самопознание - вектор иррациональности. Чем больше изучаем, тем меньше знаем. Чем больше знаем, тем меньше верим. Чем больше верим, тем меньше изучаем. Это замкнутый круг, мы поедаем собственное я, как змей уроборос.

Я унёс маску в ванную комнату, включил свет и стал пристально осматривать: маска цвета слоновой кости, как в принципе у большинства людей, редко когда маска имела другой оттенок или расцветку; материал плотный, точно гипсокартон, но на порядок прочнее, от прикосновения к ней сушит пальцы, на ощупь неприятно; рисунок выполнен матово-чёрным цветом, он совсем не отражал свет, скорее полностью впитывал, сам знак нарисован неаккуратно, в попытке пальцем стереть его ничего не вышло, следовательно это не наклейка и не настоящая краска. Перевернув маску было пусто, никаких дополнительных креплений на голову, серый цвет, напоминающий грозовые тучи покрывал всю заднюю часть, ни единой прорези для глаз или рта, ни одной трещины, только рисунок на передней части. Потянув руку к сво-

ему лицу я не ощутил пальцами своей маски, рука проходила сквозь, взглянув на себя в зеркало она изредка мерцала, но не исчезала полностью, из чего она сделана и каким образом крепится на голове? Я поднёс к своему лицу маску с символом бесконечности задней её частью, сквозь неё я не видел и она не просвечивала, как моя собственная. Значит её работоспособность зависит только если она находится на голове человека. Я спрятал её под ванну, в самый дальний угол, прикрыв всевозможными порошками для стирки, грязными тряпками, бутылками из под средств для гигиены, которыми я не пользуюсь. Руки тщательно обмыл сточной водой с мылом. Надеюсь, что временное убежище достаточно надёжное.

Высвободившись из внимания находки я нащупал в кармане сигареты и зажигалку, я настолько сильно нервничал, что мои руки неестественно тряслись. Этими извивающимися червями я нашёл в куртке свой телефон, куча пропущенных от **Потери**, ещё пара сообщений от других лиц, и наконец то, ради чего я искал его, впервые за весь день я узнал сколько сейчас времени. Время было 15:46, ещё рано, я обычно только к двум часам дня просыпался, а к трём просыпался окончательно. Неведомая сила заставила меня подняться так рано, хотя наврядли уже неведомая. Закинув телефон в карман моё тело поспешило на балкон, спустя пару секунд я закурил, тремор в руках медленно стал проходить и в телефоне я набрал номер. Шли гудки, я считал, их было

восемь, на девятый на другом конце кто-то ответил на звонок:

– Привет, дружище.

– Давно не виделись, **Выход**. Нужно встретиться, у меня есть пара вопросов к тебе, – я выдохнул дым в пустоту, волнение постепенно отступало, – И это очень важно.

– Я сейчас немного занят, давай вечером, – он замешкался. Я слышал шуршащие звуки бумаги. Как только шелест прекратился он продолжил, – Часов в 9, тебе удобно будет?

– Идеально. Жду встречи, – не дожидаясь ответа я закончил вызов.

Руки перестали дрожать, спокойствие победило паранойю, тело расслабилось и получило дозу умиротворения - нежного, ароматного дыма. Мне не нужно было назначать место встречи, оно всегда было одно, сейчас оно было в нигде, но я о нём знал и думал. Затушив сигарету на половине, я влетел в кухню, оттуда в спальню и там удобно расположился на диване. Достал телефон и принялся просматривать сообщения, полученные за период оффлайна. Одним из последних сообщений от неизвестного мне человека было: *«Отлично посидели»*.

Кто это? Контактных никаких нет, имени тоже, в моих руках находилась только переписка с неким человеком, с которым мы отлично посидели. Я не стал звонить, лишь ответил: *«Где я вчера был?»*. Верно ли поставлен вопрос или слишком прямо? Может стоило быть слегка уважительнее и этич-

нее? Знания о вчерашнем дне не стоили ровным счётом ничего. Ни-че-го. Я знал только одну простую вещь, я был в нигде, с неким кем-то, с кем мы отлично посидели, и я точно пил алкоголь, много алкоголя. Всё же воспоминания были, но они были размыты неточным знанием. Мыльная пелена стояла перед рассудком. Я отбросил телефон в сторону и оказался на спине, смотря в потолок. Я долго размышлял о своих вчерашних походах, о таинственной видимой маске, о грядущей встрече с прекрасным другом, пока не отправился изучать мир снов.

Итак я проспал ещё где-то три часа, время было без 15 восемь, я научился его определять по лучикам света, которые с трудом пробивались через мои плотные шторы. Говорят время относительно, но всегда задавался встречным вопросом, относительно чего? Время это параллель жизни, движущаяся всегда прямо, но жизнь это не бесконечная прямая, это отрезок, имеющий начало и конец, тогда относительно чего время является параллелью? Время - период протекания процессов, есть период в несколько часов или в целый век, но это же период, который рано или поздно приходит к концу, значит время это никакая не прямая. Это замкнутый круг, который способен принимать различную длину окружности, любую какую мы захотим, значит время не может быть относительно чем-либо, кроме как нашего рассуждения.

Я неохотно встал, аромат похмелья пропал и тело чувствовало себя лучше, хоть и слегка болело. Ещё хватало времени

сходить в душ и освежиться, желание есть не появилось, поэтому перекус отменяется. Ванная комната была неотъемлемой частью моей квартиры, я провёл в ней очень много времени, большую часть жизни, как и в постели, это так неэкономно, экономия в целом не мой конёк. Трачу столько времени на бесполезные действия, на привычки, на людей, на некое подобие саморазвития, да что чёрт возьми такое эта жизнь, кроме как одна большая трата времени? К чему можно стремиться, к чему совершенствоваться, если исход един для всех? Никакого главного приза нет и не будет в конце жизни, это просто путь в никуда, смерть - это конечная точка. Жить ради чего мы суждены? Мы вынуждены жить либо смотря как умирают другие, в попытке пережить существующих, либо умереть первым, дав возможность другим созерцать твой уход, заставив некоторых плакать над твоей эпитафией. Люди находятся в поиске неизвестного. А ради чего? Ничего? Какой ужасной участью мы награждены: жить в пустую. Сам того не замечая я оказался в ванной и включил душ. Холодная вода окутывала тело, облизывала, целовала, я закурил. Я обожал курить в душе, у меня даже для этого стояла тут отдельная пепельница. Я совмещал приятное с полезным, губительное с живительным. И до сих пор бессмысленность не покидала меня, я всё равно жаждал знать для чего мы проживаем этот непродолжительный период траты времени под названием жизнь.

Дни - сигареты, я покурю в сторонке.

Тяните, люди, жребий, кто умрёт из вас первый?

Я уже ехал в такси, последний час не представлял ничего интересного: я докурил, долго одевался. Казалось бы, я был сознательно спокоен, но мысли о маске, хорошо спрятанной под ванной всё равно не покидали мою голову. Волнение любило приходить ко мне невовремя, в самые ответственные моменты, на лбу выступил пот, руки снова затряслись, тело не сидело на месте, ёжилась. Но хотя бы сейчас я чувствовал себя в безопасности. Но только до момента, пока водитель не глянул на меня через зеркало заднего вида, тогда-то мне и стало совсем неудобно. Он сразу же отвернулся, ничего не спросил, просто молча продолжил смотреть на дорогу. Заподозрил ли он что-то или это паранойя шутит надо мной? Он не мог никак догадаться о маске, это полнейший абсурд, но моё волнение он мог видеть подчисто, вряд ли у водителя с опытом работы в такси не было способности видеть людей насквозь, их волнение, чувства, эмоции. Мы ехали ещё минут 10, пока не оказались на месте назначения, я вышел и в лицо ударил холодный воздух, вокруг витали снежинки, кружились как снежные королевы в зимнем вальсе. Огорчает наблюдать такую картину, ведь в скором времени они также легко, как и летали упадут на тёплый асфальт и растают, превращаясь из прекрасных снежных королей в грязевое месиво, остающееся на каждом прохожем ботинке. Ме-

ня терзают смутные ощущения, одновременно не хотелось бы, чтобы это заканчивалось, чтобы снежинки вечно подкидывались в воздух и так же медленно пикировали к земле, но при этом хотелось бы, чтобы они наконец уже закончили свой красивый танец и оказались размазанными чьей-то обувью. Неопределённость моих мыслей и поступков всегда была моим кредо.

Ресторан встретил потерявшего самоуважение добродушно, администратор сразу же устремился в его сторону:

– Добрый вечер! Бронировали столик?

– Да, – я слегка опешил, – Комната 4, – одна из моих любимых и везучих чисел, не случайно такой номер комнаты выбрал **Выход**, – **Неизвестный**.

– Проходите, пожалуйста. Вас проводить?

– Не требуется.

Я наизусть выучил её расположение, даже готов поклясться с закрытыми глазами дошёл бы не ударившись и не споткнувшись. Я вошёл в неё, комната пуста, на столике стояла открытая бутылка белого вина Louis Jadot, четыре бордо, меню и пустая пепельница. Я в буквальном смысле завалился на диван, тело расслабилось в предвкушении предстоящей встречи. Если бы не малейшее чувство тревоги моя голова погрузилась бы в сон. Похоже, что тревога станет моей продолжительной подругой, чей приход в гости будет всегда неожиданным и неприятным. Я бы с радостью отказался её впускать к себе, но шанс был упущен ещё на уходе **Потери**.

Помещение в котором я находился было в приглушённых тонах, ничего яркого и с хорошей звукоизоляцией, идеальное место для проведения закрытых встреч. Владельцы заведения получали неплохую выгоду от таких мероприятий, и это, пожалуй, лучшее заведение такого плана в городе. Меня здесь как частого гостя знали хорошо, таким познанием не могут похвастаться даже мои знакомые. Но обряд незнания при входе был обязательным и нерушимым.

– ...новые ограничения. Я не понимаю принципов их руководства, – начало фразы осталось за дверью, поэтому только воображение могло закончить начатое, – Ты уже тут как тут.

– Опаздывать не мой конёк.

В тайную комнату зашли двое. Один был атлетического телосложения, но всю его рельефность прятала громоздкая одежда. Другого отличала сутулость. Обоих я знал довольно хорошо. У первого на лицо была наклепана маска со знаком двери, он всегда находил выход из любой ситуации. Я никогда не сомневался в его действиях, да и стоило ли? Человек, у которого за плечами горы пережитого, явно умеет выходить из мокрой ситуации сухим. Эта до смешного абсурдная аллегория - чистая правда. На его плечах целая компания, хоть и небольшая, но пользующаяся спросом и может не семимильными шагами, но движущаяся к успеху. Я до сих пор слабо верю, что до всего этого мы с ним проводили ночи за обсуждением насущных и грядущих проблем, попивая деш-

манское пиво, купленное в ближайшем ларьке. И тогда он мне казался человеком дела, был в нём такой стержень уверенности, которого не было во мне. Второй был на полголовы ниже, весь в чёрной одежде, только кроссовки отличительно сверкали белым. Шутил он умело, так сказать талант во всей его красе, но всё это исключительно иллюзии первого впечатления. Ничего кроме буквы «Я» и не было на его маске, только здесь всё альтернативно, если по большей части маска белого цвета, то у него она чёрная и буква светит белым. Лучше сказать, блестит. Это была его главная особенность, с учётом того, какая это редкость иметь альтернативный цвет корпуса маски. Настолько эгоистичного человека я ещё в своей жизни не встречал. Его «Я» переросло эгоизм и полноправно выросло в эгоцентризм. Он не столь любил себя, сколь превозносил в богоподобное своё «Я», своё мнение и слова. Споры с ним бессмысленны, даже если он знает, что не прав, он ни за что не согласится с чужим мнением, субъективность для него существует только по отношению к себе.

– Я сомневаюсь в их правомерности, – продолжил Эго, попутно присаживаясь, напротив меня, – В первом чтении они сочли это необоснованным, а теперь большинство проголосовало за ввод.

Сомнений не было, они обсуждали ввод ограничений на утверждение личности. Совсем недавно можно было утвердить свою личность имея при себе подтверждающие справки

от десяти разных других личностей. Сами справки ты брал в бюро идентичности и распихивал по знакомым, друзьям и родственникам. Они в свою очередь, указывали в ней данные о идентичности твоей маски. И с этого момента твоя личность была бы утверждена, выдано удостоверение, которое необходимо менять каждые десять лет по точно той же процедуре. Твоя маска и имя, привязанное к ней оставались неизменными на протяжении целого десятилетия, пока в сознании других не сформируется другое мнение о тебе. Это было одно из нескольких свершений научного познания природы маски и контроля их работоспособности. И неописуемо насколько это было замечательно и просто, процедура хоть и времязатратная, но не настолько сильно, как в скором будущем. Теперь тебе не достаточно иметь эти справки, теперь придётся провести с определёнными специалистами комплексный разбор твоей личности и только после их решения её утвердят. Всё бы ничего, но это не просто разговор по типу вопрос-ответ, это анализ с помощью людей и определённого машиносчитывательного оборудования. Эти придурки из правительства решили всё усложнить и самое главное заставить людей убивать своё драгоценное время в разы. А без этого удостоверения утверждённой личности ты по сути никто, просто пустышка. Неудивительно почему Эго переживает по этому поводу, ведь его повторное утверждение как раз будет через неделю после принятия этого закона. Меня, слава богу, это миновало, ведь я повторно утвер-

дил её месяц назад. А вот ему предстоит иметь колоссально прочные нервы, чтобы утвердить личность и доказать свою правоту.

– А самое главное люди сожрут эти законы и не подавятся, – резко и холодно ответил **Выход**.

– Наше низшее мнение никому не сдалось, только вот, – я сделал паузу, чтобы подразнить **Эго**, – Не понимаю их выгоды.

– Выгоды? – он ободрился и это означало только одно: спор начинается, – Я тебе так скажу, самая их большая выгода в управлении сознанием. Траты на персонал ничтожны, деньги не правят миром. Миром правят люди, правящие людьми.

– Чем больше людей под управлением, тем больше тебе доверяют и соответственно готовы с лёгкостью отдавать все свои кровные.

Возле **Эго** присел **Выходи** разлил вино по бокалам, **Эгов** это время достал свои сигареты и закурил. Курил он что-то средней крепости и всегда одно и то же, он был предан не только своему мнению, но и вкусу.

– Деньги, как и люди - это ресурс. Только люди куда выгоднее, возьми к примеру ту же стройку, с одними деньгами ты дом не построишь.

– Но за деньги ты можешь, например, – я покрутил бокал левой рукой, рассматривая оттенок виноградного суслу, – нанять людей, которые тебе этот дом построят

– Вот именно! – злость уже слышалась в его речи, – Людской ресурс выше всех материальных объектов.

– Хватит, – нас остановил **Выход**, – Мы здесь не для этого собрались.

Он поднял бокал и поднёс ко рту, сделал один глоток, смочив горло и подержав бокал близь рта около десяти секунд он убрал его на стол.

– Рассказывай.

– У меня есть маска.

– Она у всех есть, – перебил курящий со злости.

– Помолчи, **Эго**.

– Снятая с лица. И на ней есть рисунок. То есть, я его вижу, но понятия не имею кому он принадлежит.

– Откуда она у тебя? – он сделал ещё глоток вина.

– **Потеря**принёс.

– Опять этот придурок поднимает всякий мусор, который не привинчен к полу. А ты ещё плюсом умудряешься прислушиваться и идти по его стопам, – **Эго**кинул меня пренебрежительным взглядом, – Она сейчас у тебя?

– Я не совсем из ума выжил, чтобы таскаться с ней по городу.

– Что на ней изображено? – сигарета, что угощала только **Эго**внезапно оказалась в руке у **Выхода**. Как ему удавалось проворачивать этот трюк с исчезновением сигарет в чужих руках из раза в раз мне до сих пор неизвестно.

– Символ бесконечности. Скорее всего владелец способен

её снять, но маска потом возвращается на лицо.

– С чего ты это решил?

Я поднёс к лицу наполненный наполовину бокал, понюхал содержимое и в нос ударил запах виноградных гроздей, даже сквозь приятный аромат проглядывал спирт. Запах алкоголя в похмелье максимально отвратителен. Меня затошнило.

– Их несколько. Я лично видел две.

Выход задумался и перестал что-либо спрашивать, поза которую он принимал, когда размышлял была похожа на медитацию древнего монаха. Он сидел практически неподвижно, смотря мне в глаза. Сигарета, что мгновение назад была в руках Эго медленно тлела и за всё это время **Выход** ни разу её не затянул, как будто издеваясь над соседом слева. Понятия не имею, что творилось у него в голове в тот момент, но он явно заинтересовался этим всем. Возможно, это был его единственный шанс зацепиться за истинную природу масок и избавления от них, но он размышлял об этом не как об освобождении, как об этом мечтает **Потеря**, а скорее способе заработка и учитывая современные реалии, незаконном и опасном. Я бы ни за что не согласился участвовать в таком деле, если бы не собственный глупый интерес. Я бы продолжил скрывать это и в скором будущем избавился от образца свободы личности из-за постоянной тревоги. И об этом никто и никогда не узнал.

– Решено. Мы ищем этого человека.

– Только не говори мне, **Выход**, что ты тоже пойдёшь

на поводу у **Потери**? – он возвратил свою сигарету и вновь вдохнул горячий дым, – Эта идея - полнейший идиотизм.

– Меня это заинтересовало, тем более не думаю, что **Неизвестный** стал бы мне рассказывать о таком, если бы своими глазами не удостоверился в том, что маска настоящая, – он повернулся ко мне, – Это ведь так?

– Так. Это уникальный шанс.

– Вот и я так думаю. Мы все жаждем избавления от этой ноши, которая нам дарована с рождения. Хотя бы для того, чтобы почувствовать облегчение.

Мне стало легче, волнение постепенно сменялось воодушевлённостью, прям как с утра, когда **Потеря** мне рассказал о своей находке, то же самое ощущение можно было прочитывать и в его глазах тогда. Приятно, когда твои действия уважают и считаются с твоим мнением. **Эго** тоже уважает мои действия, просто он тщательно скрывает это, не подобает такому нравственному человеку выкладывать все свои карты на стол. На самом деле он замечательный человек, только кажется чёрствым и холодным. В поддержании наших идей он почти самый первый. Наверное, **Цепь** и **Порядок** преданней. Но пока упустим этих двух личностей, с ними нам ещё предстоит встретиться позже.

– Тогда с чего начнём?

– Так ты только что был против, **Эго**?

– Я назвал это идиотизмом, но не отказался участвовать в этом идиотизме, – вот про это я и говорил.

– Стоит начать с места нахождения маски. Я спрошу, где она точно была найдена. Первым делом нужно определиться с ним, а там уже искать улики и возможно придётся выстроит слежку, – сказал я, осушив бокал за один заход.

– Я бы хотел увидеть маску, – он снова украл сигарету у Эго.

– Я на выходных свободен, приезжай ко мне.

Сигарета окончательно умерла в его руках. Он успел вдохнуть в себя её предсмертную дымку и похоронить в собственном пепле. Какая огорчающая участь!

На вдохе ощущение - чувств никаких.

На выдохе – предсмертный хрип.

Мы договорились встретиться здесь на следующей неделе в четверг, обсудить дальнейший план. В эти выходные требуется узнать точное место, где мы начнём поиск и встретиться с **Выходом** меня, чтобы он удостоверился в реальности моих слов. Заодно мы выдвинемся на место, поищем хоть какие-то следы и зацепки, и как бы **Эгоне** ругался на эту идею: **Потерю** придётся позвать. На него надеяться - это залезть самолично в петлю, но выбирать, увы, не приходится. **Потеря**- это самый стартовый персонаж этой истории, без него она не произошла бы и только он сможет помочь нам достигнуть наших целей.

Когда вечер был официально закончен, это было около

11 вечера, я отправился домой. Приоритетным способом добраться до дома я выбрал пешую ходьбу, расстояние, которое мне предстояло пройти, составляло около трёх километров. Я бы убил не более 50 минут. Но иногда, когда в голове кружились мысли, словно ураган, приходилось добираться и дольше. Я ненавижу убивать время попусту, но каждый день это и делал: целый день прерывал одно убийство времени другим. Может в этом и есть смысл жизни - убивать время попусту? Но стоит ли искать смысл жизни, если в итоге ты его начнёшь ненавидеть? Убийство времени - самоцель. Ей не требуется ничего, кроме неё самой и она не является зависимостью чего-либо большего или меньшего. Она сама себя исчерпала; она заполнила; она есть; её нет; ей плевать. Убивая время она убивает саму себя и из этого рождается очередное время, которому суждено умереть, чтобы дать жить ещё одному. Цикл, не иначе. Обходя людей стороной, я медленно добирался до пункта назначения. Ноги не шли, волоклись по земле, приминая под собой подобие снега, грязное и серое. Вино, выпитое ранее давало надежду, что сможет расслабить усталую голову, но не в этот раз. Черепная коробка напрягалась, сжималась и разжималась, будто сердце, и давила на мыслительный механизм внутри. Единственное в моём теле, что поддавалось обаянию вина - это глаза. Сейчас они были рудиментом, ведь ноги сами знали куда шли. Вокруг тела, идущего по внутреннему навигатору, не существовало людей. Они испарялись в никуда, оставляя

за собой лишь призрачное ощущение присутствия. Невозможно представить себе материальными людей, которых ты видел долю секунды. То, что ранее называлось человеком, в моих мыслях существовало как шар энергии, хаотично бредущий в пространстве. Пару минут назад сознание хотело признать, что самоуважение нашлось, но взглянув на себя в отражении какой-то витрины, эта мысль резко отпала. Это та же пьяная, глупая рожа. Та морда, которую каждое утро я вижу в зеркале прихожей, которая является объектом чей-то ненависти, чьего-то уважения. Самоуважение не то, что я. Я всегда найду путь домой.

Родной дом встретил меня с пристрастием, тишина сразу же полезла обниматься и заливать в мои уши. Я тоже был рад ей. Вся одежда так и осталась висеть на моём усталом теле, пока я не погрузился в умиротворение грядущего сна. Но он никак не приходил, хотя вероятнее, что я его не впустил. Время замедлялось, ускорялось. Оно умирало, пока я лежал в неизвестной человечеству позе. И таким образом я убил несколько часов, периодически дремал и видел неясные образы. Они всплывали на поверхность, плескались и сразу же тонули в сонной пучине:

– Я была вынуждена уйти.

Конечно была! Ты не искала выхода из ситуации, ты всё это грёбанное время искала вход в другой мир. Ты убила и моё, и своё время и ради чего? Побега? Ты считала, что так будет лучше нам обоим, но ты не учла будущих событий. Ты

смогла сбежать физически, но от собственной головы не избавиться, она издевалась над тобой, насилровала твои чувства и эмоции. Ты не справлялась с этим и я не собирался больше помогать, это был твой выбор. Твой безрасудный выбор.

Я не смог больше этого терпеть, тело поднялось, глаза видели в темноте лучше некуда, они насмотрели примятое кресло. Забавно. Моих сил не хватило, чтобы добраться до дивана и я опять замертво упал в прихожей. Может быть я так делал каждый день, в голове всплывали лишь отголоски воспоминаний о сне на диване. Может я сам себе внушил эти воспоминания и на деле ни разу там и не спал. Может я совсем из ума выжил и никакого дивана в соседней комнате не стояло, я его просто выдумал. После встречи с **Потерей** я уже ни в чем не был уверен. Мёртв или жив? Существуют или нет? Горячий терпкий чай мог бы прояснить моё сознание и я направился на кухню, поставил чайник и принялся искать чайный пакетик в полнейшей темноте. Тишина разбавлялась нарастающим гулом чайника. Я ощущал себя этим чайником, чувства во мне кипятились, бурлили. Во мне из спокойствия зарождалась ненависть, как из воды кипятков. Тело нагревалось с аномальной скоростью, температура повышалась, дышать давалось с трудом. Я закинул чайный пакетик в кружку, туда же кубик сахара и перевёл всё своё внимание в сторону балкона, я смотрел сквозь два слоя стекла, смотрел на дерево, слегка качающееся туда-сюда. Оно убаюкивающе покачивалось, раскидистыми ветвями

махало в мою сторону, ещё не скоро появятся почки. Тонкие палочки казались такими хрупкими, как же ты умудрилось пережить эту знойную зиму с сильными ветрами? Нарастающий гул перерос в бульканье и меньше чем, через полминуты это всё прекратилось, тишина опять зашла в комнату. Я налил кипяток в кружку и нервно помешивая ложкой остатки нерастворившегося сахара, побрёл в комнату. Поставил горячую кружку на стол, включил настольную лампу и через несколько мгновений положил туда ещё и уникальную маску. Под ярким светом начал тщательнее осматривать каждую её сторону.

Меня разбудил блик, протиснувшийся в щель между штор. Яркий свет бил мне прямо по глазам, словно он целенаправленно выбрал именно эту точку. Я поднял голову, протёр лицо и одним зашуренным глазом окинул взглядом стол. На нём стояла кружка чая, на этот раз уже холодная, я даже глотка из неё не умудрился сделать; лежал раскрытый ежедневник, на котором я так сладко пускал слюни, в нём были записи и в сонном состоянии их сложно было разобрать; также светила лампа, освещающая всю поверхность стола; и наконец, потрескавшаяся маска с символом бесконечности.

Потрескавшаяся?

На следующий день мы встретились с **Выходом**, я встретил его у подъезда, потому что мне ужасно не терпелось показать ему всё.

– Ты не поверишь.

Именно этой фразой я его встретил, резко и прямо. Я не стал ничего объяснять и сразу же проводил его внутрь многоэтажки. По пути навверх он задавал кучу вопросов, но я ни на один не отвечал, молчал и только лишь отнекивался, мол сам увидишь. Он взглянул на мою руку и заметил, что указательный, средний и большой палец был перебинтован, но задавать вопросы перестал. Мы зашли в мою квартиру, дверь за нами захлопнулась и я запер её на ключ.

– Проходи налево.

В комнате стоял приглушённый свет, шторы были плотно закрыты и светила только та самая настольная лампа. На столе стояла полуоткрытая коробка. Выход молча глянул на меня и я ответил:

– Да, она внутри.

Я подбежал к коробке, раскрыл её полностью. По внутренним углам коробки были металлические прутья, я взялся за них и начал поднимать. К нижним частям прутьев был прикреплён лист металла. Я достал эту конструкцию, положил на свободное место на столе, где лучше всего было освещено и пригласил **Выхода** подойти поближе. Он подошёл и увидел, что маска лежит на этом листе, вся была покрыта тонкими трещинами, под ней лежал толстый слой белой пыли, словно мраморная пыльца после обработки. По сторонам были отломаны края и выглядели островато-шершавыми.

– Что с ней?

– Вчера ночью она начала ломаться и трескаться, некото-

рые части отпали и раздробились в пыль, – я взглянул ему в лицо, – Я понятия не имею что именно с ней происходит и почему, но это очень подозрительно.

Выход приблизился ближе и начал наклоняться, чтобы внимательнее рассмотреть пыль и маску.

– Лучше не надо. И лучше резко не дыши. Любое колебание воздуха смертельно.

– Почему? – он качнулся назад.

– Видишь ли, я взял эту пыль на анализ и передал **Крупнице**, и вчера вечером я получил результаты. Эта пыль не та, чем кажется, это скорее кислота медленного действия, которая с лёгкостью может растворить тебе кожу. По истечению определённого времени от тепла тела она начинает разлагаться и в ней накапливается тетродотоксин. Это довольно сильный яд, который вызывает паралич дыхательных мышц, ну знаешь, у иглобрюхов такой же.

– Но? – он показал на мою руку.

– Я был аккуратен, когда брал её на анализ, – я посмеялся, – Но вчера по дураости решил ощутить её на своих пальцах и как раз в этот момент мне позвонила **Крупница** и рассказала. Пришлось выжигать себе кожу на этих пальцах, чтобы вывести присутствие яда.

Он сразу изменился в лице, хоть на вид он серьёзный и упрямый человек, но в глубине души сопереживает куда сильнее многих.

– Надо от неё избавиться, – я вежливо уступил, – У нас

на руках очень опасная вещь, которая может убить любого незнающего человека.

– Сложно не согласиться. Опасно оставлять такую вещь существовать и дальше. Хотя это и главная зацепка, но от неё не будет никакой пользы, когда по итогу она окончательно самоуничтожится.

– Самое интересное, что прикасаться к самой маске до её распада безопасно, видимо это вещество находится не на внешней поверхности. И если так судить, то у каждого из нас на лице находится биологическое оружие. Если об этом узнают хоть какие-то посторонние люди, это может обернуться чем-то ужасным. Ладно, если только в научных целях, но если использовать такой потенциал в войне - последствия будут колоссальные. Нельзя этого допустить.

– **Потеря**уже избавился от маски?

– Да, я ему рассказал об этом и он чуть не расплакался узнав, что я случайным образом спас ему жизнь, – если быть точнее, то дважды, – Мы с ним договорились, что послезавтра он готов показать точное место, где нашёл маски.

– Отлично. Что-то ещё узнал?

– Пошли на кухню, расскажу.

Я аккуратными движениями поместил металлический поддон обратно в коробку, закрыл её и запечатал со всех сторон, чтобы ни из какой дырочки случайным образом не выпала даже малейшая часть опасной пыли. После этого я помыл руки с мылом, антисептиком и средством для удале-

ния жира с кухонной утвари (мощная штука, самое подходящее для этого). По любезности я предложил что-то выпить и **Выход**спросил есть ли что-то алкогольное. Я одобрительно кивнул и достал из холодильника бутылку виски, налил нам обоим в хайболы и закинул лёд.

– Осматривая маску второй раз, я заметил что рисунок выцветший. И маска в нижней части широкая.

– Значит подозреваемый - мужчина средних лет?

– Бинго!

Время близилось к полудню

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.